

С. М. Толстая

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.
ВСПОМИНАЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА
ПАНЧЕНКО

Летом 2007 года мне довелось участвовать в конференции, посвященной 70-летию А. М. Панченко в Пушкинском Доме. Материалы этой конференции были опубликованы в изящной и весьма содержательной книге, отражающей широкий спектр интересов юбиляра [А. М. Панченко и русская культура]. И вот спустя пятнадцать лет мы отмечаем 85-летие со дня рождения этого выдающегося ученого (медиевиста, литературоведа, палеографа, текстолога, стиховеда, археографа, исследователя русской рукописной традиции, историка старообрядчества, культуролога) и замечательной, во многих отношениях неординарной личности.

А. М. Панченко неотделим от того научного контекста, в котором он сформировался, от великих фигур его учителей — Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц, В. И. Малышева (приохотившего его к собиранию и изучению рукописей), от Пушкинского Дома и от всей отечественной филологической научной традиции, неотъемлемой частью которой он был и остается. Но, как каждый крупный ученый, А. М. Панченко имеет свое особое, «необщее» лицо. Отдельные черты сближают Александра Михайловича с его учителями, но вместе с отличительными особенностями они складываются в неповторимый облик ученого. Профессиональные навыки и научные знания, полученные от учителей и сделавшие Александра Михайловича выдающимся специалистом по древнерусской литературе, первоклассным знатоком и исследователем рукописных и печатных текстов допетровского времени, в дальнейшем творчестве ученого приобрели осо-

бые направления и позволили ему проложить новые пути в гуманитарном знании. Этому способствовали как внешние обстоятельства биографии, так и личные качества и интересы А. М. Панченко.

Я бы отметила следующие его «особые» черты.

Во-первых, это **славистика**. Обучение на славянском отделении Ленинградского университета и в Карловом университете в Праге сделало А. М. Панченко настоящим славистом. Во всех его трудах по древнерусской литературе и культуре неизменно присутствует общеславянская перспектива, а некоторые работы прямо касаются судеб славянской культуры. Его кандидатская диссертация была посвящена чешско-русским литературным связям XVII века, а доклад на VII Международном съезде славистов в Варшаве назывался «Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII—XVIII веков». Он был составителем и комментатором тома польской поэзии XVII века [Польская поэзия], участвовал в исследованиях русско-болгарских фольклорных и литературных связей. Интерес к общеславянскому контексту русской литературы и культуры сближал его с некоторыми московскими славистами: например, из близких мне людей — с Никитой Ильичом Толстым и Людмилой Александровной Софроновой, с которыми он был дружен на протяжении многих лет. Бывая в Москве, у нас на Большой Ордынке, он после долгих застольных бесед с Никитой Ильичом переходил на соседнюю улицу, Малую Ордынку, чтобы насладиться общением с Людмилой Александровной Софроновой.

Вторая важная черта научного облика А. М. Панченко, которая объединяет его с фигурой Д. С. Лихачева, — это **культурологический аспект** древнерусских литературоведческих исследований. Приверженность текстологической и фактологической эмпирике как необходимой основе профессионального литературоведения («сначала ремесло, потом мастерство») сочеталась у Александра Михайловича с пониманием литературы как важнейшей составляющей культуры. Многие его работы — о юродстве, о старообрядчестве, о православии, о русских писателях и др. — открывают широкую культурологическую и историческую перспективу.

Наконец, третья черта, которая также объединяет А. М. Панченко с Д. С. Лихачевым, — это осознание **общественной миссии** филологической науки, ее просветительской и воспитательной роли. Лекции и выступления Александра Михайловича перед широкой аудиторией, привлекавшие неизменное внимание и имевшие шумный успех в самых разных кругах нашего общества, делали его не просто ученым-гуманитарием, но и мыслителем широкого историософского плана, способным видеть в каждом конкретном факте исторический смысл и знак времени.

В наши дни ученых таких глубоких профессиональных познаний и в то же время наделенных таким общественным темпераментом, как А. М. Панченко, очень не хватает. Не хватает сегодня его громкого голоса в защиту науки (особенно гуманитарной науки) и просвещения, как, конечно, и голоса Д. С. Лихачева. В память о таких ученых мы обязаны сделать всё, чтобы защитить науку и образование от душащих их бюрократических реформ и бездумных нововведений. Это было бы лучшим знаком нашего признания и памяти.

Литература

- А. М. Панченко и русская культура — А. М. Панченко и русская культура: исследования и материалы / Отв. ред. С. А. Кибальник, А. А. Панченко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. 429 с.
- Польская поэзия — Польская поэзия XVII века: Пер. с польского / Сост., справки об авторах и примеч. А. Панченко; предисл. Б. Стахеева. Л.: Худож. лит., 1977. 208 с.

References

- Kibal'nik, S. A., Panchenko, A. A., eds. (2008). *A. M. Panchenko i russkaya kul'tura: issledovaniya i materialy*. St. Petersburg: Pushkinskii Dom, 2008. 429 p.
- Panchenko, A., ed. (1977). *Pol'skaya poeziya XVII veka: Perevod s pol'skogo / Sostavlenie, spravki ob avtorakh i primechaniya* A. Panchenko; predislovie B. Stakheeva. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 208 p.